

ЯСНАЯ ПОЛЯНА – «СОАВТОР» Л. Н. ТОЛСТОГО

С. Л. Толстой, сын писателя, назвал Ясную Поляну местом, откуда Толстой «черпал обильный материал для своего творчества, материал, вылившийся под его пером в художественные описания и образы» [1]. В очерке Е. Осетрова (1989 г.) говорится: «Ясную Поляну видишь каждый раз заново и перечитываешь, как страницы толстовских книг. <...> Ясная Поляна — мир убедительных и реальных пояснений к его творчеству — от романов и повестей до дневников и писем» [2].

Известны многочисленные факты отражения в произведениях Толстого яснополянских жизненных наблюдений его времени и деталей прошлого.

Толстому принадлежат слова: «...вспоминать своих предков мне не только не совестно, но и особенно приятно» (48, 307) [3]. Нельзя не напомнить образ гордого, независимого старого князя Болконского в «Войне и мире», воплотивший натуру деда писателя со стороны матери Н. С. Волконского. Рано потеряв мать, Толстой по рассказам родных и семейным документам создал в своем воображении идеальный образ ее, ставший для него символом возвышенного и святого. Он навевал писателю прекрасные черты княжны Марьи Болконской. В Николае Ростове «отыскиваются» черты отца писателя, умершего, когда мальчику Толстому было 9 лет. Воспоминания об отце обусловили его интерес и писательское внимание к занятиям отца охотой и в связи с этим — к личности товарища отца по армейской службе Н. В. Киреевского. Это был владелец орловского имения Шаблыкино, оригинальной «охотничьей столицы», известной на всю Россию, — богач, хлебосол, холостяк, посвятивший себя охоте, автор книги «Сорок лет постоянной псовой и ружейной охоты». В 1851 г. в Москве состоялось личное знакомство Л. Толстого с Киреевским. В июле 1865 г. имела место, возможно не первая, поездка Толстого к нему в Шаблыкино — в поисках «запаха и звука» времени 1812–1820-х гг., «которое еще цепью живых воспоминаний связано с нашим», — как писал Толстой в одном из вариантов начала «Войны и мира». Отрывки из вариантов романа дают право считать, что образ старого графа Ростова, наряду с отражением в нем облика деда писателя со стороны отца, сложился у Толстого под прямым воздействием общения с Киреевским. В черновом варианте описания имения Ростовых оно было откровенно «похоже» на владения Киреевского. В одном конспективном наброске к роману непосредственно вырывается наружу перенесенный из реальной жизни киреевский элемент «ауры» Николая Ростова: «Nikolas дома

охотится, <волк> брызги большой стаи (*Киреевской*)» (13, 767). «Киреевский элемент» в сцене охоты проявляется, на наш взгляд, в целом ряде внешних атрибутов и обстоятельств. В комментариях встречается мнение о том, что, вероятно, Киреевский изображен Толстым в лице дядюшки в «Войне и мире». Анализ этого предположения позволяет считать его, на наш взгляд, правомерным. Колоритная фигура Киреевского, похоже, «вдохнула жизнь» и в эпизодический образ Илагина. Сходство с Киреевским обнаруживается и в чертах его внешнего облика, и в проявлениях характера. Фамилия же Илагина могла быть «придумана» Толстым по аналогии с фамилией Елагин, принадлежавшей брату Киреевских (однофамильцев Н. В. Киреевского, славянофилов, знакомых Толстого).

Неизгладимое впечатление произвела на Толстого в детстве встреча с двоюродным братом отца, приехавшим в Ясную Поляну, Ф. И. Толстым-«Американцем». Он станет для писателя прообразом старшего Турбина в «Двух гусарах» и отчасти Долохова в «Войне и мире». При знакомстве Николая Ростова с Долоховым на обеде в честь Багратиона (первая редакция романа) «этот странный человек поразил и привлек его, как и всех». В этой фразе проявилось испытанное Толстым ощущение силы внутреннего обаяния Ф. И. Толстого. Толстоведа вплоть до последнего десятилетия не выходили на прямое сопоставление образов Толстого-Американца и Долохова. Преобладают статьи, где несомненным прототипом Долохова провозглашается Руфин Иванович Дорохов, один из известных удалцов своего времени. Между тем в одном из зачеркнутых Толстым отрывков рукописи романа рассказано о том, как в 1811 г. после нескольких лет отсутствия в дом его матери «в кафтане вбежал бледный Долохов и упал в обморок в объятия матери. <...> Он пешком пришел из Камчатки. Он был <...> татуирован, он ездил вокруг света. Он боялся всего. Его велено было расстрелять за бунт, произведенный на корабле. Он тайно пришел» (вариант № 143). Этот отрывок — несомненное свидетельство того, что в основе задуманного Толстым образа лежало освоение характера Федора Толстого: перечисленное здесь — повторение действительно происшедшего с ним. Очевидны другие конкретные факты совпадения черт характера и эпизодов жизни Ф. И. Толстого и Ф. И. Долохова: у них одинаковые имена, словесный портрет Долохова очень близок к художественному портрету Американца, «живут» они оба в Москве, в Староконюшенной. В период писания романа Толстой познакомился с предоставленными дочерью Ф. Толстого Прасковьей Федоровной Перфильевой семейными бумагами и оставил на время у себя небольшую тетрадку. Из воспоминаний И. П. Липранди известно, что Ф. Толстой писал записки, вероятно, в связи с его участием в военных делах. Допустимо предположить, что писателя заинтересовал именно этот материал. Впоследствии семейные бумаги Ф. И. Толстого исчезли неизвестным образом. В последние годы автору этих строк удалось разыскать и опубликовать несколько его военных документов, проясняющих некоторые случаи сходства в эпизодах военной службы Ф. И. Толстого и Долохова: Ф. Толстой участвует в шведской войне; Долохов в вариантах — капитан в

финляндской армии. Такие эпизоды 1812 г., как спор Долохова с французом из вражеской цепи, поведение раненого Долохова, действия в отряде — при Смоленской дороге, награждение «Георгием» и др., сопоставимы с реальными событиями армейской жизни Ф. И. Толстого.

Лысые Горы в «Войне и мире» бесспорно напоминают Ясную Поляну. Въездные ворота в усадьбу, сторожка и пруд у въезда, оранжереи в верхнем парке, нижний парк и многократно отобразженный Толстым «Прешпект» живут своей жизнью в романе. О проданном Толстым в молодости, но памятном навсегда старом доме автор одного из первых путеводителей по яснополянскому музею К. С. Семенов писал: «Не раз, когда ему нужно было описать в своих произведениях обжитое помещичье гнездо, он вспоминал этот дом и воспроизводил отдельные его детали с изменениями, соответствующими замыслу произведения», там же отмечено: «...охота Левина на тяге должна быть определено отнесена к Ясной Поляне, к ближайшим местам засечного леса» [4]. С. А. Толстая, кстати, записала в воспоминаниях: «Гроза, заставшая Кити с ребенком в лесу, была такою же грозой, заставшей меня с Сережей в ближайшем нашем лесу Чепыже, и испуг Левина был испуг Льва Николаевича» [5].

Исследователь Б. И. Бурсов в работе «Лев Толстой», определяя влияние уклада жизни и духа усадьбы на молодого Толстого, подчеркивает: «...родители будущего великого писателя были связаны с образованными людьми своего времени. Дух эпохи, его гуманистические веяния, разумеется, проникали в Ясную Поляну <...> зерна патриархального своеобразного демократизма, заброшенные в него Ясной Поляной, были неистребимы» [6].

Обратимся к яснополянским деталям, отраженным в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Автобиографические черты в толстовских персонажах почти исчерпывающе исследованы в работах крупнейших биографов Толстого Н. Н. Гусева и Л. Д. Громовой-Опульской. Тем не менее сопоставление некоторых событий и обстоятельств жизни писателя и подобных им в трилогии позволяет сделать любопытные предположения относительно образов в известной мере второстепенных и менее изученных. В 1856 г., когда Толстой именно в Ясной Поляне, в окружении членов семьи и родственников, гостивших в усадьбе, интенсивно работает над второй и третьей редакциями «Юности», возникают новые детали и темы, появляются характерные заметки в записной книжке и надписи на рукописях.

В плане задуманного Толстым романа «Четыре эпохи развития» еще в 1851 г. был записан пункт: «Замужество сестры и волокитство зятя» (2, 244). Видимо, предполагалось как-то отразить реальную ситуацию в семье женатых к тому времени в течение пяти лет сестры Толстого Марии и Валериана Петровича Толстого. В жизни Толстого его симпатии к Валериану оказались неустойчивы; в июле 1853 г. в дневнике Толстого было записано о Валериане: «...нет в нем того тонкого чувства благородства, которое для меня необходимо, чтобы сойтись с человеком...» (46, 168). Образ Валериана Петровича не ушел из писательских замыслов Толстого. В июле 1856 г. в записной книжке Толстого рядом с записью к «Юности» о старшем брате

появляется заметка: «Тип Вал<ерьяна>, любящий имя и отчество, и вещи, имеет маленькие, закругленные пухлые ручки, похожие на кисточки» (47, 190). Вскоре в варианте второй редакции появится текст, соединяющий в нашем представлении тип Валериана с образом Дубкова: «...у Дубкова... руки были маленькие, пухлые, загнутые внутрь, чрезвычайно ловкие, с мягкими пальцами, похожими на кисточки, именно тот сорт рук, на которых бываю перстни, и которые принадлежат людям, помнящим имена и отчества всех знакомых, имеющим хороший, даже щеголеватый выговор на иностранных языках, любящим иметь красивые вещи» (2, 378). Отрывок с небольшими изменениями вошел в окончательный текст 14-й главы «Юности». Николенька приходит к мысли о том, что Дубков (воплотивший в себе черты Валериана) — «вовсе не хороший человек. <...> Все, что ни скажет, солжет, или пошлость какая-нибудь»; «ему бы только обыгрывать Володю да ездить к тетушке какой-то...» (2, 121). (Нужная автору характерная черта — «волокистство зятя» — подчеркнута в упоминаниях об этих поездках и увлечениях Дубкова.)

Прочитав рукопись «Юности», А. В. Дружинин, одобряя повесть, 6 октября 1856 г. написал Толстому: «...все пассажи, писанные с любовью, у Вас превосходны». К таким «пассажам», бесспорно, можно отнести все, что касается отражения в трилогии личности Т. А. Ергольской, «замечательной по нравственным качествам женщины», как писал о ней Толстой в «Воспоминаниях». Представляя читателю Нехлюдова, образ, «родственный» авторской душе, Толстой сделал в «Отрочестве» не лишенный реального колорита нарек: Нехлюдов, родители которого давно умерли, жил со старой теткой, далее упомянуто о каком-то восторженном обожании им тетки. Во второй редакции «Юности» это — Софья Ивановна, «старая девушка и младшая сестра княгини». Княгине, матери Нехлюдова, как указано в тексте, было лет 40. Толстым повторены здесь две реальные позиции. В «Воспоминаниях» писателя сказано о Ергольской: «когда я стал помнить ее, ей было уже за сорок» и «она жила у сестры». (Сестра и в жизни была старшей.) Внешние черты сестер Толстой, вероятно намеренно, изменил на противоположные. Очень похожая на тетку внешне сестра Дмитрия Варенька как бы воплощает Татьяну Александровну в ее юные годы. Выбранные для нее варианты имен — Варя, а в первой редакции — Лиза, исходят от имени сестры Ергольской Елизаветы, а также — от реальных имен племянниц Толстого. Тип Вареньки в отношении внешности, возможно, станет предшественником типа Сони в «Войне и мире», носящей, кстати, то же имя, что и тетушка. Логичность, определенность и энергичность дам семьи Нехлюдовых соответствует твердо, решительно и энергичному характеру Татьяны Александровны. Особого внимания заслуживает главное свойство души Т. А. Ергольской, подчеркнутое Толстым в «Воспоминаниях»: «удивительная всеобщая доброта ко всем без исключения», что сквозит и во всех бесхитростных поступках Софьи Ивановны: вот она, например, посоветовала Дмитрию завязать щеку, а к ночи не забыла узнать, как его зубы. Приведем здесь строки из дневниковых записей Толстого о себе за

29 июня 1856 г.: «Зубы болели всю ночь и целый день», или за 1 июля: «Написал странички две «Юности» <...> Тетинька Татьяна Александровна удивительная женщина. Вот любовь, которая выдержит все. Это я вспомнил по случаю моих отношений с ней во время зубной боли» (47, 84). В июне-июле 1856 г. в записной книжке Толстого появилась запись о «трех родах любви» к человеку вообще, развитая впоследствии в 24-й главе «Юности». Глава открывается и заканчивается размышлениями рассказчика о натуре Софьи Ивановны. Содержание их таково, что легко допускает простую замену имени Софьи Ивановны на имя Татьяны Александровны. Вслед за анализом проявлений любви красивой и любви самоотверженной не менее полстраницы посвящает Толстой определению любви деятельной: «И вот эта-то деятельная любовь... светилась в глазах, в каждом слове и движении Софьи Ивановны» (2, 150). Поставив Николеньку перед вопросом о том, почему Дмитрий, имея перед собой «милую, любящую» тетку, не ценил ее, как должно, Толстой сам пытался «оценить вполне» Татьяну Александровну, найдя нужным в «Юности», произведении, которое она прочтет, написать об этом при ее жизни.

В трилогии Толстого, по признанию автора, «смешаны» события его жизни и жизни семьи А. М. Исленьева, который был в дружеских отношениях с отцом писателя, они ездили друг к другу с детьми, вместе охотились. На внуке Исленьева С. А. Берс Толстой женился в 1862 г. Детальное знание жизни Исленьева позволило Толстому воссоздать очень близко к реальному его образ в отце детей Иртеневых. Признанным фактом, хотя еще недостаточно изученным, считается отображение в «Юности» второй жены Исленьева — Софьи Александровны, урожденной Ждановой, — в образе «прекрасной фламандки» Дунечки, ставшей мачехой детей.

Исходя из анализа рукописей Толстого и именно первой редакции «Детства», Н. Н. Гусев в одной из своих ранних работ о писателе (Жизнь Льва Николаевича Толстого. Молодой Толстой (1828–1862). М., 1927) писал: «Что касается матери, то несомненно, что в образе ее Лев Николаевич хотел изобразить свою мать — такую, какою он ее воображал себе». Прочитав «Детство», Т. А. Ергольская написала Толстому: «...самая трогательная и самая интересная сцена — это смерть матери. Она написана с таким чувством, что нельзя читать ее без волнения» [7]. Сам Толстой еще в первые месяцы писания «Детства» заметил в дневнике что «весь роман похож на драму...». Открытый намек на существование семейной драмы звучит в 18-й главе повести: в разговоре со старым другом бабушка говорит о матери и отце: «...несмотря на всю ее доброту, любовь к нему и старание скрыть свое горе... она не может быть с ним счастлива...»; у Николеньки постепенно «спадают завесы» и складывается неясное понятие о том, что отец «может *делать дурно*». С появлением в конце повести фигуры «*La belle Flamande*» возникает намек на любовную интригу. Тургенев, прочитав «Детство», написал Некрасову осенью 1852 г.: «В одном упоминении женщины под названием *La belle Flamande*, которая появляется к концу повести, — целая драма».

Тургенев имел в виду следующий отрывок повести. В момент приезда в деревню отец, получивший в Москве предсмертное письмо жены, видит, что у ее кровати «...стояла молодая, очень белокурая, замечательной красоты девушка, в белом утреннем капоте, и, немного засучив рукава, прикладывала лед к голове папаша. <...> Девушка эта была *La belle Flamande*, про которую писала папаша... Как только мы вошли, она отняла одну руку от головы папаша и поправила на груди складки своего капота, потом шепотом сказала: “В забыты”». В третьей редакции в этом отрывке были исключены такие подробности об отце: Николенька «заметил... полуулыбку *La belle Flamande*, которая значила: “Хотя и грустное теперь время, но все я вам рада”», заметил, «как отец в одно и то же время, как он посмотрел на лицо папаша, кинул взгляд и на ее прекрасные, обнаженные почти до локтя руки», Николенька был «уверен, что отец, который был убит горем в эту минуту, любовался этими руками; но подумал: “Как можно в такую минуту думать о таких вещах”».

Опыт исследования толстовских текстов свидетельствует о том, что при создании первых редакций своих произведений Толстой проявлял большую мысленную близость к прообразам, к действительным, жизненным деталям и фактам.

По поводу реальных отношений родителей писателя в первом томе материалов к биографии Толстого Н. Н. Гусева [8] отмечается, что Н. И. Толстой, постоянно занятый хозяйством, сравнительно мало времени уделял семье. В письме М. Н. Толстой к мужу от 16 июня 1829 г., например, на эту тему говорилось: «Ты не можешь себе представить, как медленно без тебя проходит время. Хотя, говоря по правде, мы немного наслаждаемся твоим обществом, когда ты бываешь дома» [9]. В «Воспоминаниях» Толстого отмечена «правдивость и простота тона» в письмах матери к отцу, чего он не находил в письмах отца к ней. По поводу фразы в письме отца: «Мой нежнейший друг, я только и думаю, что о счастье быть около тебя», — Толстой заключает: «Едва ли это было вполне искренно» (34, 350). В «Материалах...» Н. Н. Гусева сравнительно мягко отмечено о Н. И. Толстом, что есть «данные о некотором его увлечении своей соседкой, Юлией Михайловной Огаревой, женой владельца имения Телятинки, расположенного в трех верстах от Ясной Поляны, отставного подполковника Ивана Михайловича Огарева». «Увлечение Н. И. Толстого Ю. М. Огаревой не было, по видимому, настолько сильным, как она описывает это в своих воспоминаниях», — заключает Н. Н. Гусев, принимая во внимание факт предложения Н. И. Толстым в 1836 г. руки и сердца Т. А. Ергольской [10]. Возможно, из соображений такта в биографической литературе о Толстом тема какого бы то ни было впечатления от личности Огаревой или отражения ее в творческих замыслах Л. Н. Толстого не рассматривалась. Тем не менее некоторые мотивы толстовской трилогии так или иначе напоминают об этом человеке.

К примеру, несколько раз подчеркивается, что «прекрасная фламандка» — *соседка* Иртеньевых, живущая «*в трех верстах*» от них, и довольно частая гостья их дома. Толстой располагал некоторыми сохранившимися

письмами его матери. В книге С. Л. Толстого «Мать и дед Л. Н. Толстого» приведены отрывки из переписки М. Н. Толстой с дружескими упоминаниями об Огаревой. В письме М. Н. Толстой к самой Юлии Михайловне (1827 г.) говорится: «Если вам недостает яснополянского общества, то я уверяю вас, что нам не менее недостает наша милая соседка [так в тексте], с которой мы столь приятно проводили время. Я часто думаю о вас, и когда мы вместе читаем, и мне что-нибудь нравится, я воображаю, с каким интересом вы бы слушали <...> пишите мне о ваших милых детях, которые меня бесконечно интересуют <...> татап очень дорожит вашей памятью о ней и заверяет в своих дружеских чувствах, мой муж свидетельствует вам свое почтение и шлет привет вашему мужу...» В приписке к этому письму сестры Н. И. Толстого — А. И. Остен-Сакен — Огарева названа «мой интересный друг» и сказано: «...часто, очень часто мы говорим о вас и жалеем, что вас здесь нет <...> я убеждена в том, что среди городских удовольствий вы не забудете ваших добрых яснополянских друзей...» (с. 144–145).

Из письма матери к отцу в повести при первом упоминании о «прекрасной фламандке» читатель узнает весьма существенную подробность о неблагоприятной среде, в которой находится девушка: «С ее прекрасным лицом, добрым сердцем и молодостью из нее могла бы выйти во всех отношениях прекрасная девушка, если б она была в хороших руках; но в том обществе, в котором она живет, судя по ее рассказам, она совершенно погибнет...» Толстой проявляет свое неприятие атмосферы огаревской семьи, не столько в связи с образом юной дочери (возможно, вымышленным), сколько из-за поведения хозяйки в духе «свободной любви». Характерен такой отрывок воспоминаний Огаревой: «Будут удивляться, что я так спокойно призналась графу в своем чувстве, не зная, что я считала себя совершенно свободной. Я свободна любить кого угодно, могу с чистой совестью выйти снова замуж: первый брак был недействителен, так как я совсем не знала, что делала, какое обязательство на себя принимала...» [11]. Обратная сторона ее отношений с семьей его родителей Толстому не могла быть неизвестна, он мог знать об этом из рассказов родственников или прислуги. Сестра писателя М. Н. Толстая свидетельствовала в 1911 г.: «Эта Огарева была женщина совсем легкая. Говорили, когда отец овдовел, она за ним ухаживала» («Рассказы М. Н. Толстой, записанные Д. П. Маковицким», рукопись) [12]. Н. Н. Гусев, излагая смысл воспоминаний Огаревой (в XXXIX приложении к его биографическим материалам), писал: «...она полюбила Николая Ильича с самого первого года знакомства с ним, т. е. с первого года его женатой жизни. По ее словам, и Николай Ильич платил ей таким же искренним чувством еще при жизни своей жены, а после смерти жены его привязанность к ней еще более усилилась. <...> В том, что она любила Николая Ильича, хотя была замужем, имела от мужа четырех детей и не оставляла его, Огарева оправдывала себя тем, что она вышла замуж очень молодой девушкой...» [13]. (Если исходить из того, что чувства Огаревой и Н. И. Толстого возникли со времени женитьбы отца, — тогдашний возраст Огаревой «совпадает» со словами из письма татап в первой редакции «Детства» о том, что «теперь ей только 16 лет».)

Самым значительным представляется следующее совпадение. В повести маменька умирает после совсем недолгой, но тяжелой болезни. Уже в первой редакции письма сообщается о том, что «фламандка» проводит целые дни с больной. В предсмертные часы она одна находится у ее постели. Приведем строки из воспоминаний Огаревой: «В августе графиня опасно заболела. Нервная горячка унесла ее в несколько дней. Во время ее болезни я заботилась о ней, как только могла. При мне она испустила последний вздох, так как я удалила всю семью из комнаты той, которая еще боролась со смертью» [14].

Касаясь отражения в трилогии яснополянского пейзажа, остановимся лишь на двух пейзажных зарисовках в «Юности», которые можно отнести к периоду 1856 г., когда, поселившись в Ясной Поляне после долгого отсутствия, Толстой обостренно воспринимал красоту ее природы. Откровенно напоминает вид из окна яснополянского кабинета Толстого 1856 г. пейзажная панорама на даче Нехлюдовых в Кунцево. Во второй редакции, писавшейся в Ясной Поляне, было создано прекрасное описание прогулки с Нехлюдовыми на даче, не оставляющее сомнений в том, что действие «происходит» в яснополянском Нижнем парке, кстати, сохранившем до сих пор свои давние очертания. «Любимое место княгини» — это в действительности место прогулок матери Толстого — «совершенно внизу, в самой глуши сада, на маленьком мостике, перекинутом через узкое болотце. Вид был очень ограниченный, но очень задумчивый и грациозный...» (2, 156).

В книге П. Громова «О стиле Л. Толстого» отмечено, что из-за впечатления «предельной “всамделишности” записи прошедших событий» «современники воспринимали “Детство” как реальные мемуары и ни за что не соглашались воспринимать их иначе...» [15].

Н. М. Фортунатов в работе «Творческая лаборатория Л. Толстого» писал по поводу использования Толстым «первообразов», как он их называл: «Рукописи, дающие возможность в самом творческом процессе схватить моменты использования Толстым фактов, почерпнутых им из собственных впечатлений или преданий, еще раз подчеркивают, какое значение для него имел “первотолчок” в работе над образами. Неважно, что вариант отброшен: мы видим, как Толстой в процессе работы соизмеряет образ с определенным лицом, создавая свой тип, свой характер» [16].

Примечания

1. Ясная Поляна: Ст. и док. М., 1942. С. 106.
2. «Минувшее меня объемлет живо...» М., 1989. С. 358.
3. Здесь и далее в ссылках указываются том и страница по Полному собранию сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах.
4. Семенов К. С. Лев Толстой в Ясной Поляне. Тула, 1959. С. 16, 50.
5. Толстая С. А. Моя жизнь. Ч. 2. С. 248. Машинопись. Библиотека музея «Ясная Поляна».
6. Бурсов Б. И. Л. Н. Толстой: Семинарий. Л., 1963. С. 268.
7. Ясная Поляна. № 1. Тула, 1997. С. 249.
8. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954.

9. Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого: Очерки жизни, дневники, записи и письма. По неизданным материалам. М., 1928. С. 150.
10. Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 96.
11. Воспоминания Ю. М. Огаревой цит. по журн.: Голос минувшего. 1914. № 11. С. 121.
12. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1922. Т. 1. С. 212 (примеч.).
13. Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 651.
14. Голос минувшего. С. 113.
15. Громов П. О стиле Л. Толстого. Л., 1971. С. 138.
16. Фортунатов Н. М. Творческая лаборатория Л. Н. Толстого: Наблюдения и раздумья. М., 1983. С. 82.

© Березина Т. Ю.
г. Тара

ЛИРИКА А. С. ХОМЯКОВА И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ОДЫ

В современном отечественном литературоведении актуальным является изучение поэтики жанров в творчестве славянофилов. Ориентируясь на традицию высокого ораторского стиля и церковнославянскую образность, славянофилы вступали в поэтический диалог с русскими поэтами XVIII в. (М. В. Ломоносовым, Г. Р. Державиным), с традицией духовной оды. К изучению жанра русской духовной оды в ее историческом развитии обращались такие отечественные исследователи, как Г. А. Гуковский, Ю. Н. Тынянов, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, Е. А. Маймин, А. Западов, Ю. М. Лотман, О. Б. Лебедева. Тынянов так определял своеобразие жанра оды: «Ода как витийственный жанр слагалась из двух взаимодействующих начал: из начала наибольшего действия в каждое данное мгновение и из начала словесного развития, развертывания» [1]. Жанр русской духовной оды, являющийся одной из магистральных лирических форм русской поэзии, восходит к многовековым традициям православной гимнографии, псалмам, молитвам, кондакам. Русская духовная ода XVIII в. явилась органичной формой выражения религиозного мироощущения и философской рефлексии, предвзярая развитие таких романтических жанров, как лирический монолог, фрагмент, литературная молитва. Духовные оды Ломоносова и Державина стали текстами русской литературы, вызывая многочисленные аллюзии и реминисценции поэтов-романтиков.

Русским романтикам (В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину, А. С. Хомякову, М. Ю. Лермонтову, Ф. И. Тютчеву) стала органична лирическая ситуация предстояния человека Творцу, являющаяся ключевой в русской духовной оде XVIII в. Так, в духовных одах Ломоносова раскрывается непостижимое величие мироздания и его Творца. Человек при этом воспринимается как ищущий, пылливый разум, предстояние которого Создателю не умаляет личность, а, наоборот, возвышает ее, подчеркивая богосыновство, единство мира и Бога. Данное религиозное представление сближает духовные